

Виталий МАНСКИЙ, режиссер:

Работать с «Тату» —

ЧТО СНИМАТЬ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ

известно — 2004 — 17 янв с 1, 10.
Виталий Манский — режиссер-документалист, снявший в том числе фильмы с Путиным и Горбачевым. Виталий Манский снимает самый шумный новый проект — «Тату» в Поднебесной». Работа с Иваном Шاپоваловым пробила даже прошедшего кремлевские стены режиссера настолько, что, похоже, он уже не вполне понимает, что происходит. О чем Виталий МАНСКИЙ и рассказал обозревателю «Известий» Анне КОВАЛЕВОЙ.

— **Формат, задачи, пути воплощения проекта «Тату» в Поднебесной.**

— О-па! Даже самые неискушенные зрители догадываются, что когда президент поздравляет страну с Новым годом, он делает это не без пяти двенадцать 31 января, а как минимум за пару дней. И никто не поверит, что создатели проекта, который разрекламирован круче, чем «Единая Россия», за два дня до

эфира не знают, ни какой формат, ни что они покажут. Но это не значит, что производители плохие, канал пустил все на самотек, а девичьи не знают, что им петь.

— **Что же тогда?**

— То, что в субботу вы увидите реальное телевидение.

— **Это как?**

— Не знаю.

(Окончание на 10-й стр.)

Виталий МАНСКИЙ, режиссер:

Работать с «Тату» — что снимать диких животных

Известно 2004-12 31-е - с 1, 10.
(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— **Что вы будете делать, если до эфира так и не узнаете?**

— На всякий случай смонтированы две серии «Тату» в Японии». Если в субботу без пяти восемь пойдем, что нет ничего из «Поднебесной», поставим это. Будет красиво. Возможно, даже интересно.

— **Но если на то пошло, Поднебесная — это Китай, а не Япония.**

— К вопросу о названиях: Среди тысяч писем, пришедших на адрес «Москва, Поднебесная», вдруг приходит одно с адресом: «Москва, Преисподняя». Я уже не говорю о том, как сработала логика почтовых сотрудников, отправивших его к нам, но меня это позабавило.

— **Когда вы за это брались, представляли, как и что хотите делать?**

— Я не предполагал, что мое колоссальное умение сопротивляться будет разбиваться о ту жестокую реальность, с которой мы столкнулись.

— **Что такое жестокая реальность?**

— Шаповалов. Он существует вне норм, форматов, правил, законов. Есть еще слова в этом ряду? Так вот представьте и добавьте в этот список.

— **Душераздирающая картина получается.**

— Не то слово. Едешь с ним в машине, он пересекает сплошные на Садовом кольце, навстречу мчатся с дикой скоростью машины, поворот через сто метров, а он говорит: «А так ближе». Вот он разбил сейчас машину, даже забирать не стал, пошел и купил другую. Этот

подход ретранслируется и на все остальное. Кстати, мы в его машине планируем поставить микрокамеру, чтобы снять что-нибудь душераздирающее...

— **Тогда и к девочкам надо поставить.**

— Девочки по сравнению с Шаповаловым настолько законопослушны, что им в монастыре жить и работать, а не в «Поднебесной». Одной так просто надо на папу римского баллотироваться.

— **А с виду не скажешь.**

— Это все внешнее. Если говорить серьезно, девочки эти — совсем дети. Просто дети, которые много увидели, много попробовали. Но от этого умнее и взрослее не становишься.

— **Чем вам это интересно?**

— Мне пока тяжело. Так тяжело, что даже не очень интересно. Знаете, есть отдых и отдых: можно заплатить две тысячи долларов, поехать в Анталья, залечь на песок и жить по системе «все включено», а можно заплатить двадцать и отправиться на покорение Эвереста, испржняться в чистом поле, умыть-ся собственными испражнениями, сломать руку, остальное обморозить и получить огромное удовольствие. И то и другое — отдых.

— **Ваша работа не очень похожа на Анталья.**

— Я покоряю Эверест.

— **Вас это развлекает?**

— Я вообще экстремальный человек.

— **Вы снимали фильмы с Горбачевым и Путиным. С ними проще?**

— Не то слово. С политиками работать — одно удовольствие. Они же вменяемые люди.

— **Шаповалов — невменяемый?**

— Работать с «Тату» — то же самое, что снимать диких животных. Невозможно объяснить тигру, когда не рычать. Или кобре... Хотя ей можно на сопелке что-нибудь исполнить. Я уже исполняю.

— **А почему вы вообще решили работать с «Тату»?**

— Мне интересно, какие механизмы способствуют восхождению. Я бы еще с Ходорковским фильм сделал. Очевидно, что он не будет находиться в горизонтальной плоскости: либо пойдет вниз, либо вверх. Ходорковский — потенциальное движение. Если к такому человеку подцепиться, можно зафиксировать очень яркие процессы: магнитные бури, вулканические образования, тектонические сдвиги. С «Тату» — то же самое. Они с тремя копейками победили многомиллиардный мировой шоу-бизнес. Я хочу поймать — на чем.

— **Возвращаясь к проекту: так что это будет?**

— Просто идет поток жизни, который плохие телевизионные люди загоняют в рамки: начало записи альбома и конец. Начало есть, про конец ничего не знаем. Вот сейчас там сидит Эдуард Лимонов и разговаривает за жизнь.

— **Из чего, кроме «за жизнь от Лимонова», состоит каждая серия?**

— Из записи песен и того, что происходит вокруг этого.

— **Так что же происходит вокруг этого?**

— Я не ужоу от ответа: все.

— **Единство места традиционного предполагает единство действия.**

— Единства нет. Есть формальное место записи альбома, из которого мы, как в сказке, переносимся во все существующие времена, кроме будущего. Но прошлое в нашей власти. У «Тату» есть зафиксированная документация их жизни. Шаповалов записал весь процесс съемок первого клипа «Я сошла с ума». Я, делая фильм про «Тату», отснял около 120 часов материала. Так что в этом проекте мы будем из настоящего впадать во флэш-бэки прошлого. Вообще постоянно будет вестись игра со временем. Не хочу изображать из себя первооткрывателя, но то, что мы — экспериментаторы, которые могут оказаться первооткрывателями, очевидно.

— **Весь ваш проект сильно напоминает cinema verite.**

— Спасибо вам за то, что вы это знаете!!!

— **Пожалуйста. Каждый режиссер cinema verite использовал свои методы «подкамерного» раскрепощения: алкоголь, наркотики...**

— Когда я начинал приближаться к этому, использовал методы предшественников. Технологическая революция подарила мне возможность не давить на реальность. Сейчас, когда в мобильном телефоне есть видеокамера, дающая изображение с разрешением, допустимым к демонстрации на широкоформатном экране, нужно только уметь обращаться с этой реальностью.

— **Насколько можно говорить о реальности, если любой человек играет на камеру?**

— Мы с вами сейчас играем. Вы надели черный свитер, черные

брюки, неделю назад были у парикмахера, подбирали очки, кстати, вам очень идет эта оправа, и колечко у вас тоже ничего. Выглядите вы очень гармонично. Это — ваша игра. Вы играете со мной, с окружающим вас миром в такую себя. А когда останетесь наедине с собой, будете играть в другую себя. А когда будете ждать любимого человека на свидание, наденете какое-нибудь белье эротичное, и это будет третья игра. И я играю. Пойду к чиновнику, напялю ненавистный пиджак. В аппаратной сижу в растянутом свитере. Все играю. Всегда.

— **Под камерой — да. Так — нет.**

— «Тату» на камеру не работают. Их гости — да. Они — нет.

— **Вы хотите сказать, что это выпадение из рамок, которое мы все видим у этих людей, стихийно, природно и постоянно?**

— Спросите у них.

— **Меня мнение стороннего наблюдателя интересует.**

— Я уже не сторонний наблюдатель. Мы из одной тарелки хлебаем столько, что я уже давно внутри, а не на стороне.

— **Сколько стоит проект?**

— Если бы у нас было больше денег, мы бы сделали технологическую революцию.

— **Сколько будет сниматься проект?**

— Военная тайна.

— **Сколько он будет идти в эфире?**

— Так как мы договорились, что делаем реальность, сошлись на том, что срок жизни программы будет зависеть от нее самой.